

ПОД СВОДОМ ГРОЗ

КОРНИ И СОЛНЦЕ

LADY DI

18+

Lady Di

Под сводом гроз

<https://litres.ru/74685809>

SelfPub; 2026

Аннотация

Уже полвека не смолкает война между двумя королевствами. Там, где одни называют магию проклятием, другие рождаются вместе с ней. На этой войне две сестры начинают собственный путь, движимые мстью за отнятое детство. Но судьба умеет насмехаться даже над самыми твёрдыми клятвами. Одна случайная встреча способна разрушить многолетний план и заставить усомниться в ненависти, которая казалась единственной правдой.

Что окажется сильнее: клятва, данная прошлому, или выбор, способный изменить будущее?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Lady Di

Под сводом гроз

Пролог

Звук ударов стали о сталь тонул в вечернем воздухе. Солнце клонилось к закату, но на просторном тренировочном балконе всё ещё ощущалось дневное тепло. Ветер гулял по каменной площадке замка, подхватывая звон клинка и унося его к тёмному лесу у подножия стен.

Эрон сделал резкий выпад, отвёл меч, поправил хват и снова нанёс удар в железную пластину, прибитую к старому дубовому столбу. Руки горели от напряжения, а мокрая от пота рубашка прилипала к спине.

Ритмичный стук металла прервался, когда за спиной раздался весёлый голос старшего брата.

— Эрон!

Эрон перевёл дыхание и обернулся. Дант стоял у входа на балкон — безупречно расслабленный и с озорным блеском в тёмных глазах.

— Почему-то я знал, что найду тебя именно здесь, — продолжил он, небрежным движением сбрасывая плащ на соседнее тренировочное чучело.

— И как, долго искал?

— Не совсем, — Дант качнул головой. — Сначала зашёл в библиотеку, потом сюда. Если бы тебя не оказалось и здесь, пришлось бы искать третье место. Только, боюсь, его не существует.

Сдерживая ответную улыбку, Эрон отвернулся к бочке с песком, погружая туда лезвие.

Старший брат подхватил тяжёлую тренировочную глефу и легко закрутил древко.

— Ты вообще умеешь этим пользоваться?

— Умею, — ровно ответил он, делая несколько жадных глотков прохладной воды.

Дант ещё пару раз крутанул глефу, с недоумением разглядывая массивный наконечник.

— Вещь, конечно, грозная, но выглядит так, словно ею сподручнее сарай разбирать, чем сражаться.

Он попытался сменить хват, но непривычный баланс резко увёл древко в сторону, едва не задев стойку с мечами.

Эрон молча отставил кувшин, перехватил оружие и аккуратно поставил его на место.

— Не так.

— Ну так покажи.

— Не сейчас.

— Да брось, — Дант развёл руками. — Что на этот раз омрачило твоё настроение?

Ответа так и не последовало. Дант не обиделся — за столько лет он давно привык к замкнутости младшего, хотя

порой эта отстранённость всё же раздражала.

— Ладно, я вообще-то по делу, — он принялся мерить шагами каменные плиты террасы. — Отец сегодня устраивает приём. Будет званый ужин, избыток еды, бесконечные пустые разговоры — в общем, всё как полагается. Соберутся советники, приближённые лорды и, само собой, мы.

Младший чуть приподнял бровь.

— Мы?

— Разумеется. Через неделю свежие резервы выдвигаются на север, и отец устраивает праздничный ужин в честь начала новой кампании.

— Устраивать пиры до того, как армия ещё даже не сошла с места, довольно глупо, — холодно заметил Эрон.

— Я, конечно, искренне люблю твой неизменный пессимизм, но ты мог бы сделать хотя бы вид, что тебе есть до этого дело.

— Я знаю об этом ужине. Как и о том, в честь кого он будет организован.

Улыбка на лице Данта тут же увяла. Он досадливо потер переносицу, мгновенно уловив подтекст.

— Бейн, старый проныра... Должно быть, успел добраться до тебя раньше меня. Поэтому стоишь здесь с таким лицом?

Эрон ничего не ответил. Подхватив со скамьи свой плащ, он уже собирался уходить, как Дант снова окликнул его:

— Ты будешь на приёме?

Через плечо прозвучало короткое:

— Нет.

Но брат не собирался отпускать его так просто.

— Почему ты так себя ведёшь? — донеслось сзади. — Ты же прекрасно понимаешь, что я пришёл сюда не для того, чтобы красоваться перед тобой своим назначением.

Эрон шумно выдохнул и только потом обернулся.

— Понимаю.

— Тогда перестань смотреть на меня так, словно не отец решил поставить меня во главе армии, а я сам вырвал у тебя этот шанс. Если тебя что-то не устраивает в его выборе, иди и спрашивай с короля, но не вымещай обиды на мне.

— Я не собираюсь выяснять это здесь и сейчас, — отрезал он, чувствуя, как внутри вскипает раздражение.

— А придётся, — Дант сделал ещё один шаг, сокращая расстояние между ними. — Хватит отворачиваться, когда я пытаюсь с тобой поговорить, как с равным.

— Дант, о какой вообще равности идёт речь? — Эрон всплеснул руками, с горечью напоминая то, через что они проходили уже не раз. — Мы сейчас сядем на скамью, ты скажешь, что отец не ошибается, что нужно набраться терпения — вдруг на меня снизойдёт его милость и он позволит управлять мне обозами с конским навозом! Я отвечу: «Да, конечно, ты прав, я подожду ещё немного», а потом узнаю, что даже это поручили тебе!

— Тогда, может, ты сам попробуешь что-то изменить?! — ответил старший, срываясь на крик. — Думаешь, мне нра-

вится торчать среди этих напудренных лордов и поддакивать отцу? Но я хотя бы остаюсь там, а ты каждый раз уходишь.

Эрон непонимающе свёл брови, глядя на него так, будто перед ним стоял абсолютно чужой человек. Словно все эти годы он не пытался делать ровно то же самое, натываясь на равнодушие. А Дант сейчас говорил об этом с таким видом, будто открыл ему глаза на простую истину, до которой тот сам додуматься не мог.

Он с досадой покачал головой — доказывать что-то в очередной раз не было никаких сил. Но, сделав шаг к выходу, брат мгновенно сократил расстояние и вцепился пальцами в ворот его рубашки.

— Ты мне так и не ответил.

Эрон перехватил чужое запястье и с силой оттолкнул от своего плеча.

— Ты не услышишь от меня ничего нового. Оставь меня в покое и иди на свой приём.

— А сам?

— Тебя там ждут куда больше, чем меня, — с натянутой улыбкой ответил Эрон.

— Эрон, я ведь не хотел...

Что-то заставило замолкнуть его на полуслове. Резкий, рассекающий воздух свист прозвучал в самый последний момент. Данта неожиданно дёрнуло вперёд, а глаза широко раскрылись от ужаса. Только тогда Эрон заметил чёрное древко с тёмным оперением, глубоко засевшее между лопаток бра-

та.

Он бросился вперед, перехватил его и повалился вместе с ним на каменный пол, укрываясь за массивным парапетом террасы.

Дант, казалось, даже не сразу понял, что произошло. Из горла вырвался рваный, хриплый звук, а дрожащие пальцы инстинктивно заскребли по плитке.

— Не двигайся! — крикнул Эрон, не давая ему завалиться назад.

Впрочем, он уже и не пытался двигаться. Кисть бессильно раскрылась, рука упала на холодный камень, а взгляд начал медленно закатываться.

— Держись, держись! — лихорадочно повторял Эрон, чувствуя, как под рукой, прижатой к спине брата, стремительно растекается липкая кровь.

Он осторожно выпрямил голову, выглядывая из-за каменного ограждения. Его взгляд метнулся по опушке тёмного леса, цепляясь за тени между стволами деревьев, но там было пусто. Не теряя ни секунды, Эрон взмахнул рукой и прокричал так, что его голос отразился от башен замка:

— Стража!

Тут же раздались быстрые шаги, и на балкон ворвалась пара стражников. Увидев распростёртого на полу наследника, они замерли от ужаса. Эрон, не поднимаясь на ноги, чтобы случайно не схватить вторую стрелу, стал быстро отдавать приказы:

— Стреляли из леса! Немедленно отправить туда поисковый отряд, лучников на стены, а принца — в лазарет!

Стража бросилась исполнять приказ. Снизу уже спешила подмога, и вскоре окружённых со всех сторон наследников поспешно уводили с балкона.

Уже через короткое время замок Селинвара стоял на ушах. В полумраке лазарета теснились десятки врачей, бледные, потрясенные король и королева, и сам Эрон, чьи руки всё ещё крупно дрожали в чужой крови.

Но очень скоро врачи поняли, что их привычные средства бессильны. В ход пошли редчайшие настои и корни, которые берегли для королевской семьи и привозили лишь с острова травников. Однако наконечник стрелы нёс в себе губительную магию, лишая принца шанса на спасение. Рана на спине Данта с каждым часом покрывалась чернотой, от которой во все стороны расползались паутины тёмных вен. Когда к нему привели пленного эльфийского целителя, никто уже не вспоминал о запрете магии. Но даже он оказался бессилён перед проклятой стрелой.

Старший брат угасал на глазах. Родители сходили с ума от ожидания за дверями, пока врачи сбивались с ног, пытаясь остановить расползающуюся тьму. В голове Эрона набатом повторялись последние слова Данта. Он стоял в углу, сжигая себя изнутри мыслью о глупой перепалке — такой же пустой и привычной, как сотни других до неё.

К рассвету всё было кончено. Старший наследник Доми-

ниума скончался...

Глава 1

Ночь медленно таяла, неохотно уступая серому рассвету. Зима в Доминиуме умирала: остатки слежавшегося снега ещё серыми заплатами цеплялись за черепицу крыш, но по солнечной стороне уже повсюду журчали ручейки талой воды. С ледяных карнизов лениво падали крупные капли, разбиваясь о мокрые каменные плиты внутреннего двора, где сонные конюхи раскалывали тонкую корку льда у конных поилок.

Над просыпающимся Селинваром грянули колокола. Их звон покатился по улочкам столицы ещё до того, как бледное солнце показалось из-за горных круч, напоминая каждому в городе, что сегодня настает новый день.

По расчищенным, но всё ещё сырым уличным тропам к замковым стенам тянулись людские толпы. Торговцы торопливо откидывали тяжёлые ставни лавок — в этот торжественный день они ждали редкой для военных лет выручки. Со стен домов, островерхих башен и каменных парапетов волнами свисали бордовые полотнища с вышитым золотым солнцем Доминиума. Сегодня их вывесили непривычно много, пытаясь яркими красками разогнать серую тоску последних лет.

Затяжная война, выжавшая из королевства все соки, наконец-то отступила, оставив людям передышку. Они цепля-

лись за эти тихие дни с жадностью утопающих. После смерти старого короля Сельдара минуло лишь несколько месяцев. Армейские резервы начали распускать, и к своим очагам возвращались те немногие выжившие, кого пощадили северные боины.

Конечно, они не могли пропустить сегодняшний день. В толпе то и дело мелькали солдаты — кто-то привычным движением затягивал кожаный ремень поверх пустого рукава, другой тяжело хромал, опираясь на импровизированную палку вместо трости, а третий молча помогал товарищу со шрамом на пол-лица подняться в седло. Вместо слепой радости в их глазах жила лишь усталая надежда на то, что новый молодой король сумеет удержать хрупкий мир.

В то же время дверь королевских покоев распахнулась, выпуская камердинера и пару слуг за его спиной.

Прислуга тут же разошлась по комнате. Плотные шторы распахнулись, выпуская через высокие стрельчатые окна бледный утренний свет, а у постели уже ждали чаша чистой воды и светлое парадное одеяние. Камердинер склонился над кроватью и тихо произнёс:

— Сир, пора вставать.

Эрон медленно разлепил глаза, сонно оглядываясь. За эти месяцы покои отца уже перестроились под вкус сына, но ему всё ещё было непривычно просыпаться в комнате, где столько лет жил покойный король. Ему протянули кубок с водой, и он, приподнявшись на локте, принял его из рук робкой слу-

жанки.

— Да не покинет вас благословение Рунда в этот великий день, — почтительно проговорил камердинер.

— Благодарю, Рей, — хрипло отозвался Эрон.

Он откинул одеяло, и рука случайно коснулась чего-то жёсткого. Рядом с подушкой лежала раскрытая книга. Этой ночью он познавался до сути государственных регламентов по древним фолиантам, отчего заснул далеко за полночь.

Последние три года после гибели Данта превратились для него в наверстывание чужой жизни. То, чему годами учили старшего брата, Эрону приходилось постигать в ускоренном темпе — теперь, когда умер и отец, он остался последним законным наследником.

Его с детства учили держать осанку, говорить с лордами и соблюдать церемонии, но никогда не готовили управлять государством. Несмотря на это, Эрон с собственническим упорством изучал военное дело, хотя оно никогда не входило в круг его обязательного обучения. Он разбирался в дислокации войск, логистике маршей и слабых местах каждой обороны лучше любого генерала в Доминиуме. Правда, всякий раз, когда приходило время выбирать, слушали Данта и годами эти знания пылились без применения.

После купальни вокруг молодого короля засуетились слуги.

Его тёмные каштановые волосы тщательно высушили и уложили назад, чтобы длинные пряди не падали на глаза, а

затем принялись облачать его в коронационное одеяние.

Эрону исполнилось двадцать пять, и детская угловатость окончательно ушла из черт его лица. Он был высок — настолько, что низкорослой служанке пришлось тянуться на цыпочках, чтобы затянуть пряжки мантии у его горла. Случайно встретившись взглядом с его задумчивыми зелёными глазами, девушка тут же смущённо зарделась.

Во внешности Эрона, действительно, было немало благородной красоты, но он никогда не пользовался ею так легко и непринуждённо, как покойный Дант. Старший брат гремел на весь замок славой сердцеда, и после его смерти многие придворные дамы попытались переключить внимание на младшего. Каково же было их разочарование, когда вместо обаятельных улыбок и лёгкого флирта они встречали лишь вежливое молчание.

Закончив с приготовлениями, Эрон бросил взгляд на отражение в зеркале. Он не чувствовал ни пьянящей радости, ни триумфа. Трон никогда не был целью его жизни, и сейчас он воспринимал предстоящую коронацию скорее как тяжёлое обязательство, чем как благословение Рунда.

Переступив порог приемной, он заметил своего старого друга и советника — Бейна Рида. На лице Эрона впервые за всё утро промелькнуло подобие улыбки.

Десница обернулся и, опираясь на трость, склонился в поклоне.

— Ваша светлость, доброго вам утра.

Поклон вышел настолько поверхностным, что любой придворный назвал бы его почти дерзким.

— И тебе того же, Бейн, — ответил Эрон.

Бейн был мужчиной средних лет. Из-за старой травмы колена он всегда слегка прихрамывал, но это нисколько не умаляло его достоинства — десница постоянно держался так прямо, что трость казалась скорее привычкой, чем слабостью. В его карих глазах неизменно прятался лукавый прищур, а аккуратную тёмную бородку уже тронула первая проседь.

— Выспались? — поинтересовался Бейн.

— Насколько это вообще возможно в такой день.

— Уже неплохо. Я, к сожалению, подобным похвастаться не могу.

— С чего это вдруг?

— Мы с лордом Холдвеем начали праздновать вашу коронацию ещё со вчерашнего вечера. Думали пропустить по паре бокалов вина...

— И?

— И... После третьего мы потеряли счёт.

Эрон коротко рассмеялся.

— Удивительно, что ты вообще стоишь на ногах.

— Милость Рунда, не иначе.

— Или глашатаев, которые трубили ещё с рассвета, — поправил Эрон.

Они неспешно вышли в просторный коридор замка. Коро-

левская гвардия следовала на почтительном расстоянии сзади, и Бейн, оставшись без любопытных глаз прислуги, наконец позволил себе отбросить лишнюю церемонность. Так повелось всегда, стоило им остаться наедине.

— На твою коронацию съехалось непривычно много народа, — заметил Бейн.

— Давно не помню, чтобы замок был таким шумным.

— Был.

Эрон вопросительно взглянул на друга.

— Когда ты родился. Но тогда ты проспал самое интересное.

— На меня похоже.

Мимо них вихрем пронеслись несколько слуг с охапками парадных тканей в руках. На ходу поклонившись королю, они тут же скрылись за поворотом. Бросив взгляд в высокое окно, Эрон заметил, как во внутренний двор одна за другой продолжают въезжать кареты со знатными гербами.

Бейн проследил за его взглядом и с хитростью в голосе протянул:

— Адмирал Вэльмонт прибыл. Наверняка, леди Рене тоже пожаловала своим присутствием.

Эрон нахмурил брови и демонстративно отвернулся от окна.

— Я бы очень удивился, будь оно иначе.

Бейн не стал развивать тему, которую Эрон предпочитал оставлять в прошлом, и они пошли дальше по коридорам

замка, приближаясь к покоям Железной королевы.

Эрон в очередной раз расправил плечи и медленно выдохнул. Бейн улыбнулся, уловив напряжение на его лице.

— Перестань пугать дворцовую прислугу.

— Кого я успел напугать?

— Пока никого, но ты идёшь с таким видом, будто собираешься лично приговорить к виселице каждого встречного.

Эрон криво улыбнулся, понимая, как это выглядело со стороны.

— Не думал, что всё настолько плохо.

— Ещё не настолько, но ты старательно работаешь над этим.

— Разве короли не должны выглядеть внушительно? Отец всегда ходил по замку с каменным лицом.

— Да, это правда. Он любил внушать страх. Только вот склонить голову можно и от страха, и от уважения. Не путай одно с другим. Сегодня тебе предстоит познакомиться с половиной королевства заново.

— Половину из них я и так знаю с детства.

— Не совсем, — Бейн покачал головой. — Раньше ты был младшим принцем, на которого смотрели сквозь пальцы. Сегодня каждый лорд приехал оценить, стоит ли кланяться тебе так же низко, как твоему отцу.

Эрон скользнул взглядом по группе незнакомых аристократов, прошедших вдалеке по галерее.

— Они все ждали Данта.

— Все, — Бейн не стал смягчать правду. — Три года они привыкали к мысли, что править будет не он. А теперь, когда не стало ни Данта, ни Сельдара, у них просто не осталось выбора.

— Значит, приехали посмотреть, насколько плох запасной вариант.

— Примерно так, — Бейн усмехнулся. — Правда, вслух они назовут это искренней преданностью престолу.

Они остановились напротив высоких дверей покоев королевы. Десница развернулся к Эрону, вкладывая во взгляд всю уверенность, которую хотел передать другу.

— Я знаю, что ты со всем справишься, Эрон.

— Но достаточно ошибиться или выставить себя глупцом один раз — и половина королевства запомнит только это.

— Ошибаться может любой, но самый глупый человек — не тот, кто совершает ошибки, а тот, кто искренне уверен, что ошибиться не может.

Взгляд Эрона заметно потеплел, и он кивнул деснице на прощание.

— Увидимся в тронном зале.

— До встречи, Ваше Величество, — ответил Бейн и, развернувшись на своей трости, зашагал по коридору прочь.

Если у покоев короля и по всей дороге сюда царила суэта, то у покоев матери стояла пугающая тишина — вход охраняли лишь двое стражников. Проходившие мимо слуги старались ступать предельно тихо и незаметно, боясь потрево-

жить покой Идрис.

Костяшки пальцев Эрона дважды негромко стукнули по дереву.

— Войдите, — раздался спокойный голос матери.

Двери распахнулись. Внутри апартаментов прислуга как раз заканчивала последние приготовления и теперь спешно удалялась в глубоких поклонах, оставляя мать и сына наедине.

Идрис стояла у окна, спиной к двери. Её тёмное платье тяжёлыми складками ниспадало до самого пола, высокий воротник скрывал шею, и лишь холодный блеск украшений смягчал её суровый профиль. Когда она обернулась, Эрон встретился с её пронзительным взглядом стальных глаз. Коричневые волосы были идеально убраны под корону, а уголки губ чуть опущены, придавая лицу привычную строгость, с которой её и прозвали Железной королевой.

— Опоздал, — констатировала она.

Эрон бросил взгляд на солнечное пятно на полу.

— Всего на две минуты.

— Король может позволить себе опоздать только раз в жизни.

— На собственные похороны?

Её тонкая бровь одобрительно поползла вверх.

— Что ж, по крайней мере, чувство юмора ты не растерял.

Эрон ответил слабой улыбкой и сделал шаг навстречу матери.

— Как твоё самочувствие?

— Сносно, — коротко бросила она, на ходу поправляя застёжку на его воротнике.

— А вот твоё, судя по всему, не очень.

— С чего ты взяла?

— Тени под глазами. Опять засиделся за фолиантами?

— Да, не спалось.

— Дурная привычка. Сегодня все придворные будут смотреть тебе в лицо, выискивая слабость, и шептаться о том, что новый король явился на собственную коронацию полусонным.

— Боюсь, это далеко не худшее, о чём они станут шептаться.

Идрис либо не поняла намека, либо предпочла сделать вид. Она небрежно отмахнулась, подойдя к столу и взяв в руки резной ларец.

— Брось это. Да, тебя не готовили к короне с пелёнок, но вспомни, бывали времена, когда на престоле сидели вовсе младенцы. Рядом с тобой будут советники, годами помогавшие твоему отцу вести государственные дела. В конце концов, ты не провёл жизнь в заточении, и я прекрасно знаю, что ты достаточно умён.

Эрон вяло кивнул, принимая ее слова без особого воодушевления.

Защёлка ларца тихо щёлкнула, крышка откинулась, открывая взгляду королевы то, что хранилось внутри.

— Хотя твоё последнее решение я бы таковым не назвала,
— произнесла она, поднимая холодный взгляд на сына. —
Это правда, что ты запретил советникам Мэлдора появлять-
ся на коронации?

— Верно. Я не намерен принимать в столице отмеченных,
которые вынудили Доминиум жить по своим условиям.

— Мы с Бейном выбили у Мэлдора лучшие условия, на
которые вообще можно было рассчитывать после внезапной
кончины твоего отца.

— Выплачивать им компенсации и вернуть отмеченных
обратно в наши города — это лучшие условия?

— Я сама не в восторге от того, что враги будут откры-
то расхаживать по нашим землям, но сейчас это необходи-
мая цена за передышку. Настанет день, и мы вернём свое, но
лучше не рубить с плеча, если ты не хочешь возобновления
бойни.

— Не уверен, что склонять голову перед эльфами — пра-
вильное начало для нового правления.

— Сейчас не время для гордыни, — жёстко оборвала его
Идрис. — Обсудим это после коронации.

Эрон согласно кивнул, а затем, указав подбородком на ла-
рец, сменил тему:

— Что у тебя там?

Идрис поджала губы, запустила пальцы в бархат и достала
массивный золотой перстень с гербом дома Блеймóнтов —
прямой меч, обвитый двумя ветвями лавра.

— Как ты знаешь, настоящий фамильный перстень так и не нашли на теле отца, — произнесла она без тени дрожи в голосе. — Поэтому я приказала изготовить новый.

Она отставила шкатулку в сторону, перехватила руку сына и уверенно надела перстень на средний палец. Покрутив его на костяшке, королева отстраненно добавила:

— Великоват.

— Исправить?

— Нет, — Идрис отпустила его руку. — Ты ещё до него дорастёшь. А теперь пора.

Эрон ещё раз бросил взгляд на руку, ощущая непривычный вес золота на пальце, и вместе с матерью покинул её покои.

Оставшийся путь до тронного зала они прошли молча, а когда остановились у массивных дубовых дверей, изнутри уже доносился приглушённый гул сотен голосов. У входа застыли четверо гвардейцев в полном парадном вооружении, а по обе стороны от створок дежурили два глашатая с длинными серебряными трубами.

Стоило Идрис едва заметно кивнуть, как трубы взметнулись вверх. По всему крылу замка пронесся протяжный звук фанфар.

Тишина наступила почти мгновенно, и резные створки медленно распахнулись. Перед Эроном открылся простор тронного зала, в который он шагнул первым.

Его своды уходили далеко вверх, теряясь в высотной по-

лутьме. На каменных колоннах горели десятки масляных ламп, а сквозь высокие окна широкими полосами проступало солнце, играя с кружащимися в воздухе частичками пыли. По обе стороны длинной алой дорожки, уходящей к подножию трона, застыли сотни людей — именитые лорды, военачальники и главы великих домов Доминиума. Выше, на резных галереях второго яруса, теснилась остальная знать и почётные гости.

Зал волной начал склонять головы, стоило Эрону уверенно зашагать вперед. Он шёл до тех пор, пока не поднялся к самым ступеням возвышения, где его уже ждали верховный священник и архиепископы. За их спинами возвышался пока ещё пустой трон, а стену позади закрывало огромное бордовое полотно с золотым солнцем.

Идрис тихо отступила в сторону, занимая место рядом с подошедшим Бейном.

Эрон преодолел первую ступень, вторую и наконец встал на площадке постамента, развернувшись лицом ко всей знати. Его глаза спокойно скользили поверх голов, не задерживаясь ни на ком конкретно, пока не зацепились за тёмные выующиеся волосы и мраморную кожу первой леди Доминиума — Рене Вельмонт. Её серые глаза тотчас поймали его, а на губах дрогнула тёплая улыбка. Но Эрон первым отвернулся, будто заставляя себя смотреть дальше.

С левой стороны возвышения расположились сановники духовенства — архиепископы и хранитель короны, который

в белоснежных перчатках бережно удерживал корону дома Блеймонтов на подушке из алого бархата. В её центре возвышался золотой меч, от которого веером расходились восемь лучей, подобно застывшим языкам пламени.

К Эрону шагнул верховный священник — высокий, седовласый старик с длинным посохом, навершие которого венчало солнце. Он трижды стукнул концом посоха о каменный пол.

— Перед лицом Рунда и всего Доминиума начинается обряд вступления законного короля на престол, — провозгласил он.

Позади него архиепископы дружно склонили головы, и верховный священник затянул молитву, подхваченный приглушенным хором архиепископов. Церемониальные распевы тянулись до тех пор, пока старик не подошёл к самому главному — столпам коронационного обета, на которые Эрону предстояло давать ответные клятвы.

— Единство, — возвысил голос жрец. — Свет собирает людей под одной короной, одной верой и одним законом. Пока народ един, Доминиум стоит.

— Клянусь хранить его, — ровно отозвался Эрон.

— Порядок. Каждому дана своя роль, и пока каждый помнит своё место, мир не распадается.

— Клянусь хранить его.

— Закон. Никто не может стоять выше закона, включая самого короля.

— Клянусь хранить его.

Пока Эрон произносил клятвы, по рядам пробежал едва слышный шёпот. Лорды переглядывались, кто-то скептически приподнял бровь, а кто-то напряженно вглядывался в профиль мужчины, пытаясь разглядеть в нём твёрдость. Они ждали от бывшего принца оплошности, дрожи в голосе, но Эрон стоял неподвижно, чувствуя, как холодное золото перстня на пальце жжёт кожу, а в ушах стучит собственная кровь. Однако он больше не смотрел на них. Достаточно было ощущать за спиной трон, чтобы помнить, что для этих людей он оставался заложником надежд, которые ещё предстояло оправдать.

Верховный священник тем временем продолжил:

— Целостность. Всё, что было создано целым, должно оставаться целым. Искажение требует исправления и очищения.

— Клянусь хранить её.

Священник перешёл к последним столпам Доминиума: о свете, который монарх обязан пронести дальше по миру, о жертве, требующей отказаться от личного счастья ради будущего страны, и о долге. Наконец, он остановился над самым главным и суровым заветом — о верности, испытывавшей короля на прочность.

— Верность, — после недолгого молчания произнес верховный священник. — Когда меркнет всё остальное, остается лишь то, чему человек сохранил непоколебимую предан-

ность: Рунду, Доминиуму и принесённой клятве.

Эрон разомкнул пересохшие губы и, сделав короткий вдох, ответил:

— Клянусь хранить её.

По окончании последней клятвы хранитель короны сделал шаг вперёд, протягивая бархатную подушку. Священник отложил посох, взял корону обеими руками и плавно опустил её на голову нового короля. Старое золото коснулось его висков.

Эрон поднял взгляд на людей, затаивших дыхание вместе с ним. В подтверждение его клятвы должны были грянуть восемь ударов колоколов — по числу священных обетов, означающих, что корона официально легла на голову монарха.

Первый удар раскатился эхом по каменным сводам замка. Второй ушел далеко за крепостные стены. На третьем с башен взметнулась стая голубей, а на залитой солнцем площади люди начали вслух отсчитывать оставшиеся удары, пока последний звон не растворился над крышами Селинвара.

— Да здравствует король Доминиума! — провозгласил верховный священнослужитель.

Следом слова подхватила вся знать, а вскоре тот же возглас разнёсся и по улице:

— Да здравствует Король Солнца!

Лишь в момент, когда Эрон слышал многотысячный гул за стенами замка, он до конца осознал, что отныне и до конца жизни на его плечах лежит весь груз ответственности за

королевство. За каждое принятое решение и за каждую пролитую кровь. Его окатил всплеск странного волнения, смешанного с непривычным воодушевлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.